

МИХАИЛ СЕРЕГИН

СПЕЦНАЗ
МЧС *Спаси и
выживи!*

**ОСОБАЯ
МИССИЯ**

МЧС

Михаил Серегин

Особая миссия

«Научная книга»

2008

Серегин М. Г.

Особая миссия / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2008 — (МЧС)

Ольга Николаева – психолог-консультант, старший лейтенант спецназа МЧС. Ей поручают особое задание: эвакуировать из окрестностей разрушенного землетрясением селения Кайдабад в Афганистане сотрудников российской медгруппы, а также разыскать начальника госпиталя, резидента русской разведки Судакова, который должен передать ей микропленку с секретными данными. На поиски Ольга отправляется вместе с матерым американским военным Грегом и французским полковником Полем. Вскоре выясняется, что за сведениями, хранящимися на пленке, разом охотятся и моджахеды, и спецслужбы США...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	16
Глава пятая	21
Глава шестая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Серегин

Особая миссия

Глава первая

Терпеть не могу летать в одиночестве.

Не так много я прожила на свете, чтобы иметь склонность к уединенным сосредоточенным размышлениям. Хотя, можно сказать, важный период моей жизни только что закончился, – буквально две недели назад я защитила диссертацию по психологии поведения и уже неделю работаю в должности спецконсультанта МЧС и ГО в нашем тарасовском территориальном управлении.

Профессия, надо сказать, у меня очень редкая – психолог-консультант оперативной федеральной спецгруппы спасателей. Таких групп в России несколько, разбросаны они по всей стране, по наиболее крупным российским городам. С тем расчетом, чтобы максимально сократить скорость реакции структур МЧС на любое чрезвычайное событие. В группах полная взаимозаменяемость специалистов, каждый из которых имеет универсальную подготовку. Первая, ближайшая группа прибывает на место максимум через час после поступления сигнала бедствия, чуть позже – еще несколько, если это необходимо. И только психологи всегда появляются с опозданием. Потому что нас еще слишком мало в подразделениях МЧС – на всю Россию буквально несколько человек. И работать нам приходится со многими группами, во всех регионах.

Ах да, я же не объяснила, что это за странные буквы – МЧС и ГО. Это всего лишь – Министерство чрезвычайных ситуаций и гражданской обороны.

Последнее время наше министерство открыто причисляют к силовым ведомствам. Да оно, собственно, и справедливо. Подготовка наших спецотрядов ничуть не хуже, чем, скажем, в милицеских группах особого назначения или в спецвойсках Федеральной службы безопасности. А то и получше. Они специализируются на стандартных ситуациях – захваты заложников, террористы, бомбы, покушения на лидеров, шпионаж и все такое прочее.

Мы умеем все то же самое, но каждый раз импровизируем. Потому что действуем именно в чрезвычайных, непредвиденных ситуациях. Причем – в любых ситуациях. От каких-нибудь цунами до массовых волнений из-за невыдачи зарплаты... И каждый раз решение вынуждены принимать самостоятельно и на месте, сразу же, в момент получения информации. Секундное промедление может стоить жизни. И не только тебе, но другим людям.

У спасателей больше всего ценится быстрота реакции и быстрота обработки информации. В чрезвычайных ситуациях выживает тот, кто принимает правильное решение прежде, чем успевает об этом подумать, интуитивно... А правильное решение – то, которое спасает тебе жизнь. Тебе и людям, которых ты спасаешь.

Я тоже первое время недоумевала – зачем психолог в войсках МЧС? Но очень быстро поняла, что только природные катаклизмы развиваются безо всякой, по крайней мере видимой, логики, а поведение человека во время катаклизма целиком зависит от его психологических особенностей. И моя помощь попавшему в беду человеку часто становится решающей...

Выдергивают меня из Тарасова постоянно, практически каждый месяц. Где я только не побывала за семь лет, пока училась в университете и аспирантуре! Крупнейшая авиакатастрофа в Орли... После этой командировки я, раздосадованная своей языковой немотой в окружении молодых симпатичных французов-спасателей из национального легиона, твердо решила выучить наконец французский. И теперь могу на нем вполне сносно объясняться... Извержение вулкана Кракатау на маленьком острове в Зондском проливе между Явой и

Суматрой, где я впервые увидела, как человек может быть парализован одним только видом потока раскаленной лавы и идти ему навстречу, не замечая жара, пока волосы не вспыхнут у него на голове... Захват заложников в одном из магаданских лагерей, где я работала практически одна от МЧС. Я до сих пор вспоминаю об этом эпизоде моей биографии с содроганием. Мне тогда пришлось проникнуться мыслями и чувствами приговоренного к пятнадцати годам убийцы, чтобы уверенно смоделировать его поведение...

Я, кстати, всегда жалела, что вынуждена была молчать о своих спасательских путешествиях и подвигах. Обидно ужасно, когда не можешь подружкам рассказать о том, что ты только-только вернулась с другой стороны земного шара, и вообще – чудом осталась жива. Но даже упоминать об этих операциях мне было строго запрещено, я давала подписку о неразглашении. В случае нарушения этой подписки я оказывалась автоматически уволенной из спецподразделений МЧС без права еще когда либо служить в этой структуре... Я, честно скажу, крепко держалась за свою работу и за свою зарплату, которую мне платили с первого дня вербовки. Участие в международных спасательных операциях оплачивалось, причем, по моим студенческим меркам, очень высоко, из специального фонда, учрежденного Организацией Объединенных Наций... Потерять такую работу из-за своей болтливости... Это знаете ли!.. Вот я и молчала... Хотя однажды мне это стоило серьезного разочарования в личных отношениях... Но сейчас не хочу даже думать об этом...

Меня, юную тогда еще студенточку факультета психологии Олю Николаеву, завербовали уже на третьем курсе университета, едва только мой научный руководитель, сам, кстати, бывший фээсбэшник, как я потом выяснила, выбрал мне чудненькую тему для дипломной работы: «Особенности поведения человека в экстремальных условиях». И сейчас я уже старший лейтенант, один из немногих в России специалистов по экстремальной психологии.

Не думаю, что единственный, но остальные, похоже, – чистые теоретики...

Иначе стали бы посылать за мной лично наш ведомственный самолет! Лишь для того, чтобы доставить меня одну из Тарасова на границу Таджикистана с Афганистаном, в район, где только что, два часа назад, произошло сильнейшее землетрясение. Как сообщила наша спецсвязь, в Афганистане почти полностью разрушено несколько городов. А в одном, который находился прямо над эпицентром, вообще не осталось ни одного целого здания – сплошные завалы. Там работала группа наших врачей-специалистов, ее-то и должна вывезти из района бедствия наша спецгруппа, даже состава ее я еще не знаю...

Несколько смущало, что за мной лично прислали целый авиалайнер, но, видно, я и в самом деле единственный в России специалист-практик по экстремальной психологии. И кроме того – офицер, для которого приказ есть приказ. А приказы, сами понимаете... Можно, конечно, и пообсуждать, но только после того, как выйдешь в отставку или будешь уволен... И потому лечу на юго-восток. С весьма туманным представлением о ситуации в районе стихийного бедствия и о том, что мне предстоит делать. Ну, это как обычно.

Но вот в одиночестве я лечу впервые. Мерзкое, надо сказать, чувство. Как будто летишь на свидание с господом богом. А мне вовсе не хочется с ним встречаться. Мне пока и на земле, в этой жизни, хорошо.

Да и смерти я боюсь ужасно. Мне всего-то двадцать пять лет. Я хочу жить и получать удовольствие. А для этого как минимум вокруг меня должно быть много разных людей. Потому что любое удовольствие начинается с общения с человеком...

Вид пустого салона самолета «Як-42», на борту которого была только я и экипаж, действовал на меня угнетающе. Что-то слишком много чести для рядового специалиста, пусть даже и редкой профессии. Во мне бродили какие-то смутные подозрения, что спасением врачей дело не ограничится...

Весьма настораживало и то, что никого из нашей региональной тарасовской группы больше не вызвали. Только меня одну.

Ни Александра Васильевича Маслокова, классного альпиниста, оперативника с десятилетним стажем, клавшего девять выстрелов из десяти в десятку, а ударом кулака способного пробить дверь стандартной квартиры в новостройке, видела своими глазами. Во время одного из пожаров, после взрыва в квартире директора крупнейшего в Тарасове валютного магазина, дядя Саша, или, как его чаще называли, КВН, отодвинул нас с Игорьком от двери соседней квартиры, из-за которой слышались детские голоса, пробил кулаком дыру в закрытой двери и открыл замок изнутри. Двух мальчишек тогда еле откачали. Взрывом снесло перегородку между квартирами, и они задохнулись в дыму...

Ни того же Игорька, неразлучного с дядей Сашей-Кавээном, аналитика от бога, в доли секунды просчитывающего любую ситуацию и находящего единственно возможный выход из безвыходных положений. Если идти за Игорьком след в след, никогда не попадешь ни в какую ловушку...

Но они почему-то остались, а я полетела одна. И теперь сижу в пустом салоне, поглядываю в иллюминатор на бесформенные облака, над которыми мы летим, и остро чувствую, как мне не хватает дяди-Сашиной иронии и интеллектуальных рассуждений Игорька, который всегда совершенно неопровержимыми аргументами обосновывает свой единственный и постоянный вывод – как бы сейчас ни было плохо, закончится все обязательно хорошо...

А мне сейчас было плохо и очень не хватало его аргументов. В душе шевелилась неясная и необъяснимая тревога. Может быть, потому, что это мое первое самостоятельное задание? И никто не будет меня страховать?

Ровное гудение турбин самолета усыпляло не хуже хорошей колыбельной. Я устала тревожиться и нервничать, и как всегда, нашла самый простой выход – заснула, чтобы спрятаться от неприятностей...

Я не всегда помню свои сны – наверное, мне часто снятся не совсем приятные для меня вещи. Ведь, анализируя сон, можно многое понять о себе – и часто такое, от чего проще и легче отвернуться, чем осознать. Вот мое сознание и не разрешает мне помнить некоторые мои сны... Слишком уж откровенные.

Но этот я помнила очень хорошо. Потому что приснились мне Кавээн с Игорьком, и они явно хотели меня о чем-то предупредить. Правда, они не хотели сказать об этом прямо, а лишь подталкивали меня к тому, чтобы я сама догадалась. Намекали. Но я не могла понять их туманных намеков и только злилась...

Дядя Саша с Игорьком сидели напротив меня, лицом ко мне, хотя я точно знала, что кресла в салоне расположены по-другому, в затылок друг другу.

Но это мне не казалось странным. Это было как-то несущественно.

Важно во сне для меня было то, что у обоих у них были серьезные лица и обиженно поджатые губы. Но обижались они не на меня, а друг на друга.

Оба хотели на мне жениться, никто не мог уступить. Выбирать должна была я, а я хотела выйти замуж сразу за обоих.

И когда я им это сказала, они сразу же перестали дуться, жутко обрадовались и принялись совершенно по-мальчишески прыгать по салону и раскачивать самолет. Пока не вышел командир экипажа, который оказался совершенно седым стариком с большой окладистой бородой, смешными залысынами и очень умными глазами. Он был одет, вместо летной формы, в странный белый балахон с длинными широкими рукавами, наподобие монашеской рясы. Спереди у него было что-то вроде огромного фартука с одним карманом.

Командир объявил нам, что никакой свадьбы не будет, потому что женихам нужно срочно улетать в командировку. Я, кажется, забила в истерике, а Кавээн с Игорьком покивали головами и покорно вышли из самолета через дверь салона. В иллюминатор я увидела, как они полетели в обратную сторону: дядя Саша впереди, а Игорек – за ним следом.

«И два-а гу-у-ся...», – с чувством пропела я во сне им вслед.

Командир подошел ко мне, вытер своей бородой мне слезы и достал из фартука мятую телеграмму, адресованную лично мне. В телеграмме было то самое сообщение, которое сегодня утром прислали на мой компьютер из Москвы по электронной почте:

«Николаевой. Борт 003. Рейс 10.30. Готовность – первая. Экипировка – полная. Эвакуация медгруппы из района землетрясения. Кайдабад. Степень разрушения – 98 %. Старший группы – генерал-майор Васильев».

Во сне я взглянула на часы и с ужасом заметила, что на них уже 13.30. Я опоздала на три часа! Но странный командир экипажа вдруг стянул с себя дурацкий балахон, снял парик и превратился в молодого пятидесятилетнего красавца, генерал-майора Васильева.

Я принялась ему что-то объяснять, но он жестом остановил меня и вручил запечатанный конверт. Я хотела тут же вскрыть его, но генерал-майор сказал, что сделать это я должна только после приземления. А потом схватил меня за голову и стал очень сильно сжимать ее руками...

Проснулась от того, что тон гудения турбин изменился, и уши начало закладывать. «Заходим на посадку», – сообразила я. Сон с меня разом слетел. Начиналась работа...

Глава вторая

...Едва я вышла из самолета, как сразу же поняла, что к месту назначения мы еще не прибыли. Никаких гор вокруг не было. Лишь на горизонте невысоким темным забором виднелась какая-то сплошная масса. На мой вопросительный взгляд командир экипажа, тоже спустившийся из самолета на бетон, ответил:

– В Кайдабаде не осталось ни одной целой полосы. Садиться некуда. С парашютом тебя выбрасывать приказа не было. Здесь аэродром уцелел. Правда, полосы короткие, но ничего, как-нибудь взлетим... А ты отсюда на машине. Всего-то часа полтора...

– А где мы?

– Нижний Пяндж. Таджикистан... Не знаю только, удастся ли тебе здесь найти машину...

– А ты, командир, из-за меня не расстраивайся. Машину не найду, так верблюда какого-нибудь достану... Без транспорта не останусь...

Очень довольный своей шуткой насчет машины и тем, что я ее поняла и поддержала, командир от души засмеялся. Он же, без всякого сомнения, сообщил генералу Васильеву, где меня высадил, и вопрос с машиной уже, скорее всего, решен. Было командиру всего лет тридцать пять, лицо чисто выбритое, никаких признаков бороды. И черная как смоль шевелюра густая, даже намек нет на залысины. Ну явно не он мне сегодня снился...

Пока мы с ним смеялись, вдаль на взлетно-посадочную полосу вырулил джип и на полной скорости помчался к нашему самолету. Ошибиться было невозможно, поскольку наш «Як-42» стоял на территории аэродрома в полном одиночестве. Метров за десять до самолета джип резко затормозил и остановился почти рядом с нами. Из него выскочил человек с погонами капитана войск МЧС и бегом направился ко мне.

– Старший лейтенант Николаева? – крикнул он, не успев еще остановиться.

– Так точно, капитан, – ответила я. – А в чем, собственно...

– Приказ генерала Васильева. Вас срочно доставить в Кайдабад. Прошу в машину. Нас ждут на границе...

– Эй, капитан, – вмешался командир экипажа. – А может быть, через реку лучше не здесь, а в Кулябе? Там гораздо ближе к Кайдабаду...

– К востоку отсюда все мосты на Пяндже разрушены землетрясением, – ответил невозмутимый капитан. – Здесь единственная уцелевшая переправа... Мы теряем время. Нас ждут...

Подхватив свой компактный рюкзак со спецснаряжением, я прыгнула в джип, и тот рванул с места, не дожидаясь, когда я опущусь на сиденье. Я даже не успела заметить, как капитан оказался за рулем.

«Этот человек движется быстрее, чем я успеваю поворачивать голову», – с удивлением подумала я, наблюдая за водителем.

На вид ему было лет двадцать пять, но скорее всего он решил, что я чуть моложе его. Мой вид часто вводит мужчин в заблуждение относительно возраста. На меня капитан не посмотрел ни разу после того, как выскочил из джипа. Смотрел он куда-то выше моей головы. Или ниже, что мне было гораздо больше понятно... Уж я-то знала, что даже когда я в спецкомбинезоне, там, ниже, есть на чем остановить взгляд мужчине. А вот надо мной что он разглядывал?.. Не знаю!

Мы пролетели через селение с унылыми постройками без окон, низкими и длинными. И улица была настолько узкой, что казалось, едешь по какому-то тоннелю между двумя заборами, а не между домами... Неожиданно мелькнуло ну совершенно российское здание провинциальной сельповской архитектуры, на котором я, к своему удовольствию, успела заметить надпись «Магазин». Машина резко затормозила, и я вписалась лбом в стекло.

– Держаться надо, барышня, – ухмыльнулся капитан, по-прежнему не глядя на меня. – Ты мне все стекла побьешь...

«Наглец! – возмутилась я, обидевшись на стремительного капитана почему-то сразу и сильно. – Он еще смеяться надо мной будет!»

– А ты, капитан, не скалься, – вслух отрезала я, потирая ушибленный лоб. – Твои глубокомысленные замечания и неуставное обращение ко мне ясно говорят о том, что я тебе нравлюсь. И нравлюсь сильно. Ты меня хочешь, но боишься, и поэтому защищаешься, хотя на тебя пока еще никто не нападал... Так что – оставь свою иронию для жены. Ведь у тебя с нею, кажется...

Я внимательно посмотрела на него. Он заметил и поежился.

– ...проблемы? Особенно в постели...

Это был нокаут.

Мне даже стало немного жалко его. Он густо покраснел, лицо покрылось мелкими капельками пота, а нижняя челюсть едва заметно задрожала. То ли от злости, то ли расплакаться собирался...

Я была уверена, что попала в десятку, но это было не особенно сложно. Аномально высокая скорость движений капитана не могла быть врожденной. Просто он таким образом давал выход своей избыточной психической энергии, не имея возможности расходовать ее обычным способом – в общении с женщиной.

В чем именно была суть его проблем с женой, я, конечно, вряд ли скажу, какая-либо информация об этом отсутствует. Да и к чему мне это знать? Был бы он моим пациентом, диагноз мне ставить пришлось бы. Достаточно уверенности в том, что это – типичный случай. Просто я знаю, что психическая энергия всегда ищет обходные пути, когда не может быть израсходована обычным, нормальным путем. Например – в постели...

Это как вода перед плотиной – растекается вширь и в конце концов находит низинку, чтобы двигаться дальше, не стоять на месте. Энергия должна расходоваться, если не так, то иначе... И кинетические, моторные функции чаще всего оказываются той ложбинкой, по которой течет избыточная внутренняя энергия. Иначе ее может накопиться столько, что она в конце концов прорвет плотину, и это будет уже нарушением психики. Такой человек может даже представлять серьезную опасность – и для самого себя, и для тех, кто вокруг...

Но это же хорошо известно любому начинающему психологу. Так что, Оленька, нечего гордиться, что тебе удалось так запросто «расквасить нос» неграмотному в этом отношении капитану.

В чем он, собственно говоря, перед тобой так уж провинился? Что, страдая от какой-то своей внутренней неуверенности, проявил в отношении тебя психологическую агрессию, попытался на тебя напасть? Так ведь это обычная, стандартная реакция человека. Да и, надо сказать, он ее довольно мягко проявил...

Почему же ты приняла это так близко к сердцу? Это же не на тебя лично была реакция, а на «женщину» вообще. И оборонялся он, скорее всего, от своей жены, которая по какой-либо причине не выходит у него из головы.

Чего ж ты «кулаками»-то принялась махать? У тебя тоже, что ли, проблемы с мужиками?..

«Запомни, Оленька, что я тебе сейчас скажу, и больше никогда не забывай! – сказала я самой себе как можно внушительнее. – Оскорбленное самолюбие – это синоним женской неудовлетворенности собой и явный признак неуверенности в себе. Ты-то что озлобилась? Сомневаешься в своей привлекательности для мужчин?.. Хороша, нечего сказать!..»

Я смущенно вздохнула. Что делать, я была права! Нужно внимательнее за собой следить.

«А теперь помоги человеку, что сидишь-то!.. – продолжала я себе выговаривать. – Зло радствуют только слабые... Только аккуратней, без жалости, а то совсем его раздавишь...»

У капитана между тем в глазах прорезалась какая-то мысль, и растерянность во взгляде сменилась подозрительностью. Он теперь смотрел мне прямо в глаза, причем с таким внутренним напряжением, будто собирался меня сейчас изнасиловать.

– Ты знаешь мою жену?

Он не столько спрашивал, сколько утверждал. Сам он в это уже поверил, ему нужно было только, чтобы я это подтвердила.

– Ничего я о тебе не знаю, капитан. И знать не хочу... – я устало вздохнула. – У тебя на лбу все написано... А я читать умею.

Капитан продолжал смотреть на меня все еще подозрительно.

– И еще! – В голосе у меня появилась жесткость. – Я не обязана ставить тебе диагноз. Поэтому не надо нагружать меня своими проблемами... С женой сам разбирайся...

Я устало и даже несколько брезгливо взмахнула рукой, словно отмахивалась от его проблем. И даже засомневалась – не слишком ли театральным вышел этот жест. Для меня всегда важна была психологическая правдоподобность моего поведения. Наверное, это что-то вроде заботы о чести своего мундира...

– Впрочем, могу сказать, раз уж мне пришлось влезть в твои дела, – добавила я даже несколько неожиданно для себя. – Тебе с ней нужно расстаться, пока вы друг друга не уничтожили...

Я посмотрела на него сочувственно.

– Пойми одну вещь, – продолжала я, – женщин много, и все они разные. Очень разные. Ни одна из них не похожа на твою жену. И каждая может тебя полюбить... Да дело даже не в любви.

В моем голосе появилась досада. Я говорила все это и одновременно с удивлением прислушивалась к словам, которые произносила.

«Кому я это все говорю? – как-то успевала я еще и недоумевать. – Ему? Или себе?..»

– С любой другой женщиной ты сможешь чувствовать себя уверенно. И тебе не придется так суматошно двигаться по жизни...

При этих словах капитан вздрогнул.

– Только сначала разберись с самим собой. Сам не сумеешь – сходи к психоаналитику. К вашему, штатному. У меня сейчас для тебя просто времени нет. Это же так быстро не делается... Это же часами нужно говорить, изо дня в день... У меня приказ, да и у тебя тоже. У нас с тобой есть задание. Люди ждут нашей помощи, а мы тут мозги друг другу крутим, проблемы свои решаем...

Я специально не смотрела на него, пока все это говорила. У меня не было никакого желания устанавливать с ним особо доверительные отношения, вроде тех, которые всегда возникают между психоаналитиком и пациентом. Хорошо известно, что почти все пациенты, как правило, влюбляются в своих аналитиков. Особенно когда сеанс психоанализа сводит мужчину и женщину...

Поэтому я старалась по возможности отстраниться от того, что я говорю, словно это и не я вещаю. А просто он сам понимает...

Но в этот момент я неожиданно разозлилась. Не на капитана – на саму себя. Почему на мужчин постоянно нападаю? Отомстить кому-то хочу?..

«Все, подружка! Стоп! Ни шагу больше в эту сторону, – мысленно дернула я себя за рукав форменного комбинезона, почувствовав, что стою на краю пропасти, дна которой не видно. – А то будешь опять карабкаться вверх по обрыву и снова сдерешь колени и ногти пообломаешь. А тебе работать нужно. Тебя люди ждут...»

Я пару раз глубоко вдохнула и выдохнула, а затем произнесла медленно, как магическое заклинание, следующую фразу:

«Никакого Сережи никогда не было, нет и больше никогда не будет...»

Я замерла, прислушиваясь к себе. Но ничего толком не поняла и добавила на всякий случай, просто надеясь, что мне удастся себя убедить:

«Забудь это имя, радость моя... Искренне тебе советую...»

Глава третья

Но забыть я сумела пока только про капитана. Он тем временем обратил внимание, что я погрузилась в свои, не касающиеся его мысли, сумел успокоиться и выпрыгнул из машины.

Через переднее стекло я смотрела, как он бежит к группе пограничников, суетившихся у въезда на довольно узкий мост через реку, проносящуюся по неглубокому ущелью с головокружительной скоростью. Пограничники проверяли документы у таджиков-водителей большегрузных «КамАЗов», выборочно потрошили какие-то коробки и тюки. Таджики все как на подбор были высокие, худые, все с усами и в каких-то разноцветных круглых шапочках-тюбетейках.

«Помощь пострадавшим от землетрясения везут...» – констатировала я, заостряя внимание на очевидном факте, чтобы отвлечься от своих проблем...

На наш джип никто не обращал внимания. Издалека я видела, как офицер-пограничник отмахнулся от моего капитана, едва взглянув на его документы.

Капитан тут же побежал обратно, запрыгнул в машину, и через минуту мы уже съезжали с каменного моста на афганскую сторону.

– Как тебя зовут, капитан? – успела спросить, пока мы ехали по мосту.

– Строганов. Андрей, – доложил он, словно отвечал старшему по званию.

Я мысленно усмехнулась. Похоже, перемирие между нами было заключено. Причем я получила право на некоторую контрибуцию.

С афганскими пограничниками Строганов вообще не церемонился, лишь махнул рукой какому-то бородатому человеку, поглядывавшему на остальных свысока. Видно было, что Андрея здесь видели не впервые и не считали каждый раз необходимым досматривать его машину.

Знали, наверное, заранее, что ничего у него не найдут. Другое дело – грузовики с гуманитарной помощью, которые должны были вот-вот переправиться через Пяндж и заодно через границу. Это – лакомый кусочек для местных пограничников...

Я уже начала привыкать к скорости, с которой двигался Строганов и, естественно, его машина. Не успела и глазом моргнуть, как мы уже пронеслись по афганской деревушке. Хотя, может быть, у них это называлось городом... не берусь судить.

Меня поразило сходство афганского селения с таджикским. Словно мы у моста просто развернулись и поехали обратно. Те же узкие улочки, зажатые низкими бесконечными то ли заборами, то ли стенами домов, переходящих один в другой. Только никакого сельповского магазина на площади перед мостом. Архитектурный стиль на афганской стороне был более выдержанным.

– Слушай, Строганов, – спросила я, – мы границу переехали? Что-то не вижу разницы... Мне кажется, они одинаковые – что Нижний Пяндж, что это вот...

Я кивнула головой за окно машины.

– ...райское местечко.

– А разницы и нет, – усмехнулся капитан. – Ты права... Что Нижний Пяндж, что Шерхан. Никакой разницы. У каждого второго, живущего на этой стороне, – родственник на другой стороне реки живет. По ночам здешние парни на ту сторону к девкам ходят... Да и пуштунов тут раз-два и обчелся. Сплошные таджики, и с той стороны, и с этой...

Капитан разговорился, и я почувствовала к нему искреннюю симпатию. Нормальный парень, когда не комплексует. А стоило ему забыть, что я – женщина, как и комплексы все куда-то исчезли. Ну что ж, постараюсь не напоминать... Если, конечно, мне это удастся.

Скажу сразу, что больше я его не трогала. Впрочем, и он меня – тоже. Капитан Строганов болтал без умолку, джип его мчался по извилистой горной дороге с ужасающей иной раз

скоростью. Я старалась не смотреть вниз, когда мы на виражах пролетали рядом с обрывом. Но сердце, честно говоря, замирало в страхе...

Навстречу не попало ни одной души. Никто не ехал из Кайдабада. Мы обогнали за час с десяток грузовиков, груз на которых был затянут брезентом, но я так и не поняла, что они везут.

В одном месте Андрей неожиданно тормознул, и мы потихоньку перебрались по дощатому настилу через свежую трещину шириной метров пять, расколовшую карниз, по которому вилась дорога. Потом мы долго спускались в небольшую долину, и нам вброд пришлось переезжать какую-то мелкую, но очень стремительную речушку.

У каждого колеса с правой стороны вздыбились буруны, меня обдало брызгами, и я завизжала совсем как девчонка. Андрей дико заорал и выжал педаль газа на полную. Джип, словно горный козел, запрыгал на камнях, поднимая тучи брызг, а мы с Андреем смеялись и что-то кричали во все горло, совершенно счастливые. Я чувствовала себя десятиклассницей, у которой вся жизнь впереди и нет пока еще никаких особенно болезненных душевных ран...

Джип выскочил на противоположный берег и сразу же заглох. Причем, клянусь, Андрей нарочно мотор не глушил. Двигатель действительно заглох самостоятельно, без помощи Андрея.

Затихли и мы с Андреем, только поглядывали друг на друга и продолжали улыбаться глазами, оба мокрые от брызг. По его щеке стекали капли воды, словно слезы, и это было смешно, потому что глаза у него были веселые. Смеющиеся, уверенные глаза. Такие глаза были у моих школьных друзей, когда мы вместе убегали с уроков...

Мы оба молчали.

– Ольга... – произнес он мое имя хриплым почему-то голосом.

– Андрей?... – эхом отозвалась я, все еще приятно плавая в своих ретроспективных эмоциях.

Он посмотрел мне прямо в глаза, и я поняла, что наше перемирие нарушено. Причем не мною...

Если он сейчас поднимет руку и дотронется до моей шеи, я просто сломаю эту руку и поведу дальше машину сама. Слава богу, руки ломать нас на спецзанятиях научили...

Неужели он так и не понял, что со мною ему лучше не связываться? И решил взять реванш? Нельзя же быть таким тупым, в конце концов!

Андрей поднял руку и...

И я его пожалела. Не стала заниматься рукоприкладством. Я была уверена, что я с ним справлюсь, поскольку он не ожидал нападения. А мужчина, с которым женщина справилась физически, надолго оказывается выведенным из строя... Стоит ли ломать его слабую психику?.. Мне ведь нужно-то всего, чтобы он оставил меня в покое и знал свое место... Достаточно просто по морде дать. А по морде – это я и словами могу.

– Андрюша! – сказала я. – Сейчас для тебя самое лучшее – немного помастурбировать... Это поможет снять излишнее психологическое напряжение. Ты же иногда этим занимаешься, правда?.. Я минут пять погуляю, чтобы тебя не смущать... Управишься?

Не подозревала, что человек может краснеть так стремительно. Со скоростью взрыва. Я оставила его цепенеть в кабине, а сама выбралась из машины, чтобы немного размять ноги.

Капитан боялся повернуть голову в мою сторону.

«Ну что, мальчик, – подумала я, вполне удовлетворенная его реакцией, – понял теперь, с кем связался?»

Несколько минут я побродила по обочине дороги, поглядывая по сторонам. На душе было наконец-то спокойно. Давно заметила, что в горах гораздо легче найти душевное равновесие, по крайней мере для нас, жителей равнин...

Андрей все-таки догадался вылезти из машины, хотя давно уже надо было заниматься мотором, а не своими сексуально-психологическими проблемами.

– Нас люди ждут... – буркнул он, поднимая капот.

Капитанская стремительность куда-то пропала, он двигался теперь очень, как мне показалось, медленно, и было даже странно смотреть, как он не торопясь поднимает крышку капота, заходит с другой стороны, чтобы взглянуть на двигатель. Мне словно пленку в замедленном темпе прокручивали. Так же медленно он вынырнул из-под капота, захлопнул его и сел за руль. Долгую минуту он сидел молча.

Я тоже сидела молча, отвернувшись от него, потому что на лице у меня была написана безразличность, я это просто чувствовала. А мне не очень хотелось ему это показывать... Пусть поскорее приходит в себя, нам пора ехать.

– Помчались дальше! – скомандовал наконец себе капитан Строганов и с места рванул машину на прежней крейсерской скорости.

Перед глазами у меня скоро опять замелькали обрывы, пропасти. То горизонт моего зрения сужался до нескольких сантиметров, когда вплотную к окну пролетала мимо какая-нибудь скала, то рывком расширялся до необъятного простора, ограниченного только горным хребтом в нескольких десятках километров от меня, когда джип выскакивал из-за очередной скалы и входил, а вернее влетал, в противоположный поворот на изгибе дороги.

Я не видела нигде следов землетрясения. Трещин на дороге больше не попадалось, только иногда я успевала заметить довольно большие камни, валявшиеся прямо посередине нашего горного «шоссе». Андрей немного перед ними притормаживал, но, объехав, продолжал гнать с той же скоростью...

Когда мы выскочили из-за очередного крутого поворота, Андрей, подпрыгивая вместе со мной на засыпанной мелкими камнями дороге, крикнул, показав рукой вперед:

– Смотри! Это Кайдабад...

Глава четвертая

Впереди лежали развалины.

Среди них бродили странно одетые люди. Я поняла, что землетрясение случилось ночью. Началось оно сразу с толчка баллов в семь, и дома, сложенные в основном из сырцового, необожженного кирпича, рассыпались. Большинство жителей города, не успев выбраться наружу, погибли.

Спаслись только те, кто, не теряя ни секунды, сразу бросился на улицу. Не одеваясь, ничего не собирая с собой, не думая – в чем был. Если спал голым, выскакивал прямо голым. Зато живым. Те, кто пытался одеться, погибли под рушившимися домами. Уцелевшие одевались в то, что могли найти среди развалин.

Жителей Кайдабада легко можно было отличить от спасателей, одетых в форму защитного пятнистого цвета. Казалось, что спасателей значительно больше, потому что, в отличие от оцепеневших жертв землетрясения, они двигались, причем очень энергично. Спасательные работы были начаты, очевидно, с той окраины города, на которую мы выехали с капитаном Строгановым.

Машин было на удивление мало. Я видела довольно большой участок разрушенного города и насчитала на нем всего пять бульдозеров, разравнивающих уже обследованные завалы, и три малогабаритных экскаватора с очень большими ковшами... Мне уже приходилось видеть такие, когда в Орли расчищали стоянку автобусов, на которую упал один из трех столкнувшихся в воздухе самолетов. Половина искореженного двухэтажного автобуса запросто умещалась в ковше такого экскаватора... По частым взмахам огромных ковш из серебристого, легкого, но чрезвычайно твердого сплава я поняла, что работа идет очень интенсивно. Ближайший экскаватор был мне хорошо виден... Несколько спасателей обследовали очередной завал и знаками показывали издалека экскаваторщику, сколько, какой толщины слой снять сверху и на каком участке... Иногда это были всего несколько сантиметров, и ковш поднимался практически пустой... Но я знала, что по-другому работать просто нельзя – запрещает здравый смысл, да и международные требования к спасательным работам, согласно которым технику применять вообще нельзя, пока нет уверенности, что из завала вытащили не только всех живых, но и все трупы... «С уважения к мертвым начинается уважение к живым!» – вспомнила я один из лозунгов кодекса спасательской чести, придуманного еще старой гвардией, которая сейчас заняла почти все руководящие места в министерстве...

На завалах, где экскаватора не было, расчистка продвигалась вперед значительно медленнее. Ребятам приходилось вручную лебедками, ломami поднимать камни, балки, огромные цементированные глыбы кирпичей. То и дело кто-то из них поднимал вверх руки, подавая сигнал, что в завале обнаружен человек. Живой или мертвый, это чаще всего невозможно сразу определить, пока тело не будет извлечено из-под обломков дома.

За те несколько минут, что наш джип стоял неподвижно, я успела заметить, как раненых на носилках бегом относят к стоявшему на расчищенной от обломков домов площадке большому транспортному вертолету...

Спасатели работали группами по шесть-восемь человек, у некоторых были собаки, специально обученные для поиска в завалах пострадавших. Группы обследовали развалины одного дома за другим и медленно, очень медленно продвигались к центру города...

Работающий мотор джипа, шум винтов готовящегося взлетать вертолета заглушали остальные звуки. Но было видно, что сидящие кое-где на развалинах женщины с закутанными тряпками головами, некоторые – в парандже, раскачиваются взад-вперед и, очевидно, плачут, причитают или даже кричат.

Они были совсем не похожи на тех пуштунок, которых я видела однажды в афганской деревне в районе Герата... Год примерно назад, когда участвовала в поисках туркменской археологической экспедиции, пропавшей на перекрестке трех границ в межхребетье Копет-дага и Сафедкоха. Археологи искали древний город, расположенный, по преданию, у истоков Герируда, и умудрились на пятьдесят километров углубиться на иранскую территорию, тогда как мы начали поиски с афганской... В моем личном деле в графе «территории, на которых работала» теперь наверняка среди прочих значится – «Афганистан»... Хотя вся работа на этой территории ограничилась тогда всего полусутками... Может быть, еще и поэтому сюда послали именно меня?..

Чернобородые афганские мужчины сидели на развалинах молча, уставившись в одну точку, и не помогали спасателям раскапывать свои бывшие дома. Странно было видеть у каждого из них головной убор, хотя многие были без своих традиционных халатов и шоли – длинных хлопчатобумажных покрывал, заменяющих верхнюю одежду. Некоторые даже – без рубашек. Но головы у всех покрыты – или тюбетейкой, или каким-то войлочным колпаком, или люнги – пятиметровой белой чалмой. Наверное, это было чем-то настолько традиционным, а то и просто религиозным, ритуальным, что уцелевшие заботились прежде всего не об одежде, а только о том, чтобы прикрыть головы. Аллах, что ли, запрещал им ходить с непокрытыми головами?..

Неподалеку работал экскаватор, разгребавший особенно высокий завал. Около него стояли два джипа, таких же, как наш...

– Вон он, – сказал Строганов.

– Кто? – не поняла я.

– Васильев, – пояснил капитан, – местный главнокомандующий российскими спасателями... Ему ты должна доложиться.

Наш джип тронулся с места и начал осторожно пробираться по заваленной обломками улице ближе к экскаватору. Вертолет в это время, взметая тучи пыли, медленно поднялся в воздух и пролетел над нашими головами куда-то на юго-восток.

– Куда вывозят раненых? – спросила я.

– В Кабульский госпиталь, – ответил Андрей. – Там было всего три балла. Разрушений нет, только стекла в окнах дребезжали...

Наш джип затормозил метрах в пяти перед вышедшим нам навстречу офицером в российской форме. Очевидно, это и был генерал-майор Васильев.

Я проворно выскочила из машины и бегом направилась к нему. Сама атмосфера вокруг не позволяла двигаться в другом темпе.

Офицер и впрямь оказался в звании генерал-майора. Замерев перед ним по стойке «смирно», я четко, как бравый солдат-спасатель, отбарабанила рапорт:

– Старший лейтенант Николаева по приказу из центра прибыла в ваше...

– Отставить, – оборвал он меня. – Пройдите в мою машину...

Я села в бронированный джип, оборудованный бортовым компьютером, – наверное, это был командный пункт. Мне прежде не приходилось общаться с первыми лицами на территориях бедствия. У меня всегда был начальник группы, который сам обо всем докладывал, получал приказы и инструкции, ставил мне задачу.

Теперь я сама себе была начальником особой спасательной группы. Пусть и малочисленной – всего из одного человека. Ну и пусть маленький у меня отряд. Зато задание у него ответственное. Иначе бы меня просто не вызвали...

Джип генерала оказался разделенным внутри прозрачной перегородкой, отделявшей передние два сиденья от остального салона. Сзади сидел дежурный оператор и отслеживал по компьютеру оперативную обстановку в районе бедствия, в том числе и сейсмологическую.

Васильев кивнул мне на место пассажира впереди, сам сел на место водителя. Секунд тридцать он молчал, очевидно, сосредоточиваясь. Потом взглянул на меня. Во взгляде его я не сумела прочесть абсолютно ничего. Совершенно отстраненный взгляд. Такие обычно направляют на неодушевленные предметы. Ну, возможно, еще – на трупы. Я чуть плечами не перевернула от его взгляда... Я, знаете ли, жива еще, что ж на меня так смотреть-то!..

– Документы! – Голос у Васильева был равнодушный, но жесткий, не предполагающий никаких возражений по поводу того, что он говорит.

Я вручила ему свое удостоверение и дискету с шифрограммой из московского центра.

На ней было несколько файлов, из которых прочитать я смогла только один, адресованный лично мне. Его шифр был мне известен. Знать о содержании остальных не положено. Согласно должностной инструкции, правом на эту информацию обладал только непосредственный руководитель спасательных работ на месте бедствия.

Я полагаю, что в этих файлах содержалась исчерпывающая информация обо мне и поставленной передо мной задаче. Я ведь пыталась все это прочитать, когда получила приказ из Москвы, но у меня ничего не вышло...

Васильев внимательно изучил мое удостоверение и вернул его мне. С этим по крайней мере у меня все в порядке. Я, слава Аллаху, не шпион, не диверсант и не самозванец какой-нибудь, жаждущий приключений.

Васильев между тем включил небольшой дисплей, расположенный перед водителем на передней панели с правой стороны от рулевой колонки, ввел мою дискету и, словно забыв о прибывшей, погрузился в чтение моих представительских инструкций. На это ему хватило ровно минуты. Но, когда он заговорил, тон у него был уже другой. Я по крайней мере получила право на фамилию.

– Значит так, – сказал он с непонятной для меня суровостью. – Ты, Николаева, в таких делах человек новый. Поэтому полностью твое задание знать тебе пока не положено. В ситуацию я тебя введу, задачу на первом этапе поставлю. Дальше будешь действовать по обстоятельствам. Когда до второго этапа доберешься, сама все поймешь. А не доберешься – значит, и понимать не надо было...

Честно говоря, такой вводный инструктаж меня несколько озадачил. Что это за задание такое – «Поди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что...»? Нельзя ли поконкретнее? И потом, что это за намеки – «Если не доберешься...»? Веселенькое начало, нечего сказать!

Васильев, очевидно, чувствовал двусмысленность своих слов. Неопределенность, которая прозвучала в его фразах, его самого несколько смущала. Но, наверное, он вынужден был говорить неопределенно. Единственное, что он должен был сделать в любом случае – обрисовать мне ситуацию в Кайдабаде и сформулировать мою первоначальную задачу. К чему он незамедлительно и приступил.

– Толчок силой семь баллов произошел двенадцать часов назад. Никакого предупреждения не было. В городе уцелело одно здание – мечеть, построенная в шестнадцатом веке. Почему не развалилась, совершенно непонятно. Возможно, под ней существует локальная песчаная подушка. Толчок пришелся на ночное время. Поэтому жертв очень много. В Кайдабаде, по переписи, проведенной пять лет назад, проживало около шестидесяти тысяч человек. Нашей группой эвакуировано триста пятьдесят раненых, обнаружено полторы тысячи трупов. Порядка пяти тысяч человек успели выбежать из домов или выбрались из завалов самостоятельно. Их мы пока не вывозим. Они сидят на развалинах, ждут, когда освободится транспорт. Да они и уходить-то со своих развалин никуда не хотят... Тебя это, собственно говоря, не касается... Теперь слушай внимательно и не говори, что не слышала...

Васильев посмотрел на меня строго, словно сомневаясь, что я последую его совету.

– В Кайдабаде сейчас работают уже три группы спасателей, направленных сюда в соответствии с соглашением ООН по спасательным работам, – наша, американцы и французы. Воз-

можно, прилетят еще аргентинцы. У них очень сильная, опытная команда спасателей, но слабая дипломатическая служба. А политическая ситуация здесь очень сложная... Город пока поделен на три зоны. Каждая из национальных групп работает в своей, хотя четких границ между ними, конечно, нет, и мы осуществляем активные контакты между группами. Идиотское, кстати, правило, но на нем настояла местная власть. Обычно международная служба спасения ООН присылает объединенную интернациональную команду... Впрочем, это ты, наверное, сама знаешь... Но здесь сейчас все шиворот-навыворот-набекрень... На территории нашей зоны твоих врачей...

Произнося это слово, Васильев покосился на меня и почему-то хмыкнул.

– ...пока не обнаружено. По оперативным данным, скорее всего они должны находиться на территории, где работают американцы...

Генерал сделал небольшую паузу и вздохнул, прежде чем продолжить.

– Теперь – твоя задача... Из российской медицинской миссии в Кайдабаде тебя, собственно, должен интересоваться только один человек – Судаков Алексей Вениаминович, хирург, он же – руководитель миссии. Ему пятьдесят четыре года, очень высокий, худой, лысый. Фотографии его у меня нет, но его ни с кем не спутаешь. Больше двух метров роста и абсолютно лысая голова – редкое сочетание, никаких особых примет не надо... Найдешь и... Ну, словом, поможешь ему выбраться... Теперь слушай внимательно...

Я мысленно пожала плечами. Как этот генерал себе представляет: можно невнимательно слушать формулировку задачи?.. Или это с его стороны такой неуклюжий намек?.. На что?..

– ...Очень важно не только найти его, – медленно, чуть ли не по слогам продолжал генерал, – но и оценить его поведение с точки зрения психологической достоверности...

Он сделал паузу.

– Ты меня хорошо расслышала, Николаева? В крайних случаях решение принимай самостоятельно... Это, собственно, и есть твоя задача... Остальное сообразишь сама. Все тебе ясно, старший лейтенант?

«Издевается, что ли?» – подумала я с иронией, впрочем, так и не разобравшись, в чей адрес я ее направляю... Судя по всему, – в свой. Хотя кое-что я успела уже сообразить. Недаром же генерал так аляповато подчеркивал слова «психологическая достоверность»... Значит, я должна оценить, насколько этот человек лжет, насколько естественны его психологические реакции. А делается это в единственном случае: когда хотят выяснить, не ведет ли он двойную игру?.. Значит, Судаков – агент. Хотя я и не знаю – которой именно из российских структур... И меня, значит, посылают выяснить – не перевербован ли он? Только я не понимаю, почему бы этой структуре самой не заняться проверкой своего агента?..

– Тумана много, генерал, – ответила я откровенно, то, что думала. – Как бы не споткнуться в тумане-то и голову не расшибить...

Васильев закрутил головой.

– Ничего больше этого говорить не могу. Не имею права... Разбирайся сама... Значит, так, – добавил генерал после паузы. – К американцам я отвезу тебя сам. Представлю Уэйнкрафту. Он у них за главного. Работать будешь с тем, кого он тебе покажет. Самостоятельно американцы на своей территории работать не дадут, обязательно своего человека приставят... Но сначала поедем к французам. Это ребята простые, из национального легиона, с ними у нас и отношения попроще сложились. Без особого этикета обходимся... Теперь последнее... У меня тут пока всего шестьдесят человек. Все заняты, ни на минуту ни одного выделить не могу. Поэтому работать будешь одна... Особая сложность – отношения с местной властью...

Тут генерал вздохнул. Тяжелый получился у него вздох, искренний.

– Район Кайдабада контролируют отряды движения «Талибан», – продолжал знакомить меня с обстановкой Васильев. – Отношение к нам открыто враждебное. Ахмед-Кхель русских терпеть не может. Это командира их так зовут... Джихад он нам пока не объявил, но дело к

тому идет. Пока мы спасаем людей – не провоцируют... Но действия наши жестко контролируют и ограничивают район передвижений. Поэтому – никаких конфликтов, никаких стычек. Иначе тебе просто горло перережут. Они тут мастера с кинжалами управляться... Твоя задача – вытащить отсюда Судакова... Он нам нужен... Французов талибы тоже не любят. А вот Уэйнкрафт с ними как-то договорился. Так что без него у тебя все равно ничего не получится... Ты должна с ним подружиться. Это, кстати, тоже одна из причин, почему выбрали именно тебя. Ты женщина, молода, и внешность у тебя более чем привлекательная...

Я с удивлением прислушивалась к словам генерала. Все это он говорил мне совершенно отстраненно, как будто сам – и не мужчина вовсе. У меня еще раз мелькнуло ощущение, что я – какой-то неодушевленный предмет. По крайней мере в его глазах...

– Теперь, кажется, все... Единственное, о чем прошу – помни, что с талибами нужно быть вдвойне осторожной. Хитрые и жестокие, как все азиаты... И что у них там за отношения с мистером У – еще разобраться нужно. Не нравится мне их дружба...

Васильев включил зажигание, но с места не тронулся, а постучал в прозрачную перегородку, отделявшую нас от оператора за компьютером. Мне было видно, как тот отвел глаза от экрана монитора и вопросительно посмотрел на генерала.

Васильев щелкнул каким-то тумблером и спросил по внутренней связи:

– По прогнозу есть что-нибудь новенькое?

Дежурный оператор опять уставился на экран и принялся докладывать:

– Среднесрочный метеопрогноз благоприятный. Ближайшие двадцать часов – без осадков, ветер с юго-запада пять-восемь метров в секунду, температура от десяти градусов ночью до двадцати девяти – днем. Радиационный фон – в пределах нормы. Загазованность отсутствует. Сведений о складах отравляющих веществ не поступало. Пожар на бензохранилище французами потушен сорок минут назад... Сообщений о других складах горюче-смазочных веществ нет...

– Достаточно, – прервал его Васильев. – И так все ясно...

– Василий Кузьмич, – не умолк все-таки оператор, – поступила новая информация по сейсмологическому прогнозу на ближайшие сутки...

Генерал поморщился на неуставное обращение к себе, но замечания не сделал.

– Ну? – только спросил он.

– Сейсмостанции в Кабуле, Дели и Равалпинди сообщили свои оценки вероятности повторного толчка. Эпицентр – в ста километрах юго-восточнее нас. Афганская станция дает вероятность сорок процентов, индийская – семьдесят, пакистанская – семьдесят пять...

– Душанбе? – отрывисто и как-то сердито спросил Васильев.

– По прогнозу таджикской станции, вероятность повторных толчков почти нулевая...

– Идиоты... – процедил сквозь зубы Васильев. – Дела хреновые. Сто километров – это слишком близко. Кого не успеем откопать – совсем похоронит... Первый толчок сопровождался образованием трещин и провалов. Очевидцы рассказывают – дома целиком под землей исчезали... Обстановка ясна?

Это он уже меня спрашивал. Я кивнула.

– Тогда – едем, – сказал генерал, и джип тронулся с места.

Я обратила внимание, что, в отличие от капитана Строганова, генерал Васильев водил машину очень сдержанно, осторожно, можно даже сказать – бережно... Словно не командир спасателей машину вел, а переводил через дорогу слепую старушку советский пионер из стихов любимого писателя генералова детства Сергея Михалкова...

Глава пятая

– Ради бога, Поль, давай по-русски! – первое, что сказал Васильев, когда прямо в высокий бампер нашего джипа уперлись гусеницы бронированного вездехода, а из верхнего люка выпрыгнул на броню молодой черноволосый парень и, улыбаясь до ушей, что-то возбужденно затараторил по-французски.

Он говорил так быстро, что я не успела разобрать ни одного слова, мой французский оказался годным на то, чтобы на нем «объясняться», а не «общаться»... Васильев, видимо, тоже был не готов разговаривать на чужом языке с такой скоростью, этим и объяснялась его ответная фраза.

Поль легко спрыгнул на камни со своего вездехода и подошел к нашему джипу. Он хотел что-то сказать генералу Васильеву, но, увидев меня, неожиданно заявил на довольно разборчивом русском, медленно выговаривая непослушные слова:

– Я русский язык учил только тогда, когда такие девушки в стране советской есть...

Он был кудряв и до неприличия симпатичен. Мне он сразу же напомнил кого-то из довольно известных советских артистов, часто в свое время изображавших в кино суперменов западноевропейского разлива... Несколько секунд я помучилась, вспоминая, а потом бросила это занятие, не видя в нем никакого смысла...

– Оставь, Поль, – проворчал Васильев. – Она не столько девушка, сколько старший лейтенант... Мы к тебе по делу.

– Дел всегда много, – возразил молодой француз, – а девушка всегда одна. Если бы мы в Париже занимались только делами, французы давно бы кончили...

– Извините, Поль, – вмешалась я, – вы, наверное, хотели сказать – «кончились», «перевелись»? Русский язык слишком многозначен, чтобы обращаться с ним так неосторожно...

– Уи, мадемуазель, – улыбнулся мне Поль, – я хотел говорить: откуда тогда берутся маленькие французики? Вы научите меня правильно говорить по-русски? Вместе с генералом Васильев мы можем говорить только о делах... О скучных мужских делах...

– С ней тебе тоже придется говорить прежде всего о делах, – заявил генерал, отодвигая его от меня и беря за локоть.

– Этот неисправимый ловелас, – обратился он ко мне, показывая правой рукой на Поля, – старший волонтер французского отряда, второе лицо после командира. А сейчас – вообще первое. Их командир срочно улетел в Кабул, встречать пополнение... А эта симпатичная девушка...

«Ну, генерал, ну, козел старый! – молча возмутилась я. – Какая я тебе девчушка! Сам ты – чушка! Нашел же слово идиотское...»

– ...с сегодняшнего дня – мой заместитель, старший лейтенант Ольга Николаева...

– Капитан Строганов? – забеспокоился Поль. – Он жив?

– Жив, жив, что ему сделается... – недовольно проворчал Васильев. – Она – заместитель совсем по другим делам...

– О, уи, я понимаю... – закивал Поль, с уважением глядя на меня. – Жаль, наш устав не дает мне в заместители женщину...

– Да ничего ты не понимаешь, француз стоялый! – разозлился Васильев, слегка покраснев. – Это совсем не то, что ты подумал.

– Не то? – Француз был явно обескуражен словами генерала Васильева и смотрел на меня с недоумением. – Почему – не то?

– Позвольте мне, Василий Кузьмич? – решила я влезть в их разговор. – Мне кажется, что он вам нарочно мозги морочит...

Генерал досадливо махнул рукой и отвернулся. Как можно трепаться, когда кругом – работа, кругом – ждущие помощи люди... А тут откровенный флирт какой-то! Что за человек этот Поль! Вечно у него на уме одно и то же! Бабы, бабы и еще раз бабы!..

– Поль, я бы с удовольствием взялась помогать совершенствовать ваш разговорный русский язык, – сказала я, глядя в смеющиеся, откровенные глаза француза. – Но прежде мне нужно сделать одно небольшое дельце, ради которого меня, собственно, сюда и послали... А вы могли бы мне в этом помочь...

– Уи, мадемуазель, я всегда готов помогать ваше дельце...

У меня почему-то складывалось впечатление, что Поль чуть ли не специально коверкает русские фразы. Я была почти уверена, что научить его говорить по-русски абсолютно правильно не составит большого труда... И я была бы не против немного поучительствовать. Терпеть не могу профессию педагога, но в данном случае она выглядела для меня привлекательно.

– Тогда скажите, Поль, ваши люди ничего не докладывали вам о группе русских врачей, которые работали здесь, в Кайдабаде...

– Да, Поль, мы не можем разыскать свою медицинскую миссию, – не выдержал Васильев собственного молчания в ответственный момент. – У меня к тебе просьба. Старший лейтенант...

Генерал кивнул в мою сторону.

– ...будет лично заниматься их поисками. База миссии располагалась в вашей зоне, сам понимаешь – придется ей полазить тут у вас...

Поль принял вполне серьезный вид, поняв, что перешли наконец к делу. Он достал из планшета подробную карту Кайдабада, разложил ее на горячем капоте джипа, обвел пальцем границы своей зоны.

– Где? – спросил он.

Васильев взгляделся в карту.

– Вот, – ткнул он в точку на окраине города. – Рядом с бензохранилищем...

Поль покачал головой.

– От-вра-ти-тель-но! – с трудом выговорил он. – В этом районе все сгорело совсем. Там... залило бензином, когда лопнули емкости в хранилище. Там нет ни одного живого человека.

Поль, поджав губы, с явно выраженным сомнением покачал головой.

– И не было... – добавил он.

Я расстроилась. Ну вот – начинается мое задание с первой неудачи! Тот, кого мне поручили разыскать, скорее всего, погиб! И какого черта я только сюда прилетела! Без меня, что ли, не справились бы?..

«Давай-ка, дорогая моя, без истерики! – одернула я сама себя. – Во-первых, если бы их нашли французы, они тотчас же известили бы об этом Васильева... Во-вторых, если бы все было так просто – спросил у французов, забрал живых и погибших, и быстро и бодро отпартовал, что задание выполнено... Всего и дел-то! Наверное, не стали бы меня из Тарасова выдергивать, спецрейс за мной посылать. Поручили бы капитану Строганову, и – никаких проблем... Они, наверное, все же есть, просто я еще не знаю – какие...»

Васильев поскреб небритый подбородок и пробормотал задумчиво:

– Я, собственно, на это и надеялся... На то, что у них был шанс остаться в живых... Вполне возможно, что все они находились в этот момент в больнице, а это уже на территории американцев... Слушай, Поль, а от талибов ты ничего не слышал о наших людях? Может быть, у них тут стычка какая-то была, еще до землетрясения? Ничего нет от ваших оперативников?

Поль медленно покачал головой. На лице у него была не меньшая озабоченность, чем у Васильева. Он посмотрел на меня.

– Вы можете учитывать мою помощь, мадемуазель... – сказал он, обращаясь ко мне, но тут же поправился: – Пардон, старший лейтенант...

– Рассчитывать, Поль, а не учитывать, – поправила я его. – Правильно нужно говорить – «рассчитывать». И я уже на нее рассчитываю...

– Ладно, – решительно заявил Васильев и повернулся к джипу с явным намерением тронуться дальше. – Сейчас едем на базу к американцам. Послушаем, что скажет мистер Уэйнкрафт...

– О, мистер У! – оживился Поль. – Я хочу видеть мистер У. У нас есть маленькая проблема... Он дал интервью агентству Рейтер. Я хотел бы знать, почему в этом интервью нет ни слова об отряде из Франции? И о вас, из России, – тоже...

– Вот и хорошо. – Васильев явно обрадовался попутчику. – Поехали вместе. А то мистера У не особенно радуют мои визиты к нему...

Поль галантным жестом предложил мне залезть в его броневик, но я решительно замотала головой. Джип Васильева меня устраивал гораздо больше. Француз сделал огорченное лицо и предложил нам с Васильевым тронуться первыми: он, мол, не может себе позволить такое неуважение к женщине, как ехать впереди нее... Васильев поморщился на его слова, но не возражал.

Пока мы опять пробирались через весь город к базе американцев, я наблюдала из окна машины, как повсюду копошатся люди в защитной форме спасателей, в ярко-красных шлемах, растаскивая, разгребая кирпичи, из которых были сложены дома местных жителей.

Я видела, как по развалинам лазили спасатели, как вытаскивали из-под обломков камней окровавленные, изуродованные тела, как бежали к медпунктам с носилками, а другие, с такими же носилками, спокойно шли к расчищенным от камней и обломков площадкам, чтобы сгрузить свою бездыханную ношу в импровизированном морге под открытым небом.

Пока мы медленно проезжали мимо одной из таких площадок, я успела рассмотреть бесконечные ряды тел, лежащих прямо на земле. Над некоторыми из трупов сидели местные женщины, некоторые застыв неподвижно, некоторые – раскачиваясь из стороны в сторону. Плакали ли они, я не слышала из-за гудения мотора, но картина и без того была достаточно жуткая, чтобы у меня перехватило дыхание... Ряды человеческих тел, лежащих ногами в одну сторону, сами по себе были достаточно красноречивой картиной разыгравшейся здесь трагедии...

...Еще четыре часа назад я спокойно сидела у себя в кабинете и обдумывала, что подарить Кавээну на приближающийся день рождения. И вот я уже за несколько тысяч километров от Тарасова, из которого меня выдернули, как морковь из грядки.

Условия работы для меня, честно говоря, несколько необычные. Мне, конечно, приходилось работать и самостоятельно, но задачи я всегда выполняла очень локальные, конкретные. Да и ответственность за спасательные операции всегда лежала на ком-то другом, а не на мне...

Я была то студенткой, то практиканткой, то дипломницей, то аспиранткой, но самостоятельное задание мне предстояло впервые...

Ну да это и хорошо, что я теперь без страховки, решила в конце концов. По крайней мере у меня не будет ни времени, ни возможности, ни сил, и, я надеюсь, ни желания, копаться в воспоминаниях и расковыривать свои душевные болячки...

И раз уж я решила забыть Сергея, значит, я его забуду...

Сейчас мне предстоит встреча с командиром американских спасателей Уэйнкрафтом, или мистером У, как называют его генерал Васильев и Поль. И от того, насколько я сумею понять этого человека и установить с ним контакт, зависит успех моего задания. А если допустить, что Васильев не слишком много преувеличивал, когда рассказывал об особенностях местной обстановки, то задание мне предстоит не только сложное, но и опасное.

Я вспомнила, какое было у Васильева напряженное и сосредоточенное лицо, когда он рассказывал о талибах, и поняла, что задание не просто опасное, а – смертельно опасное.

Я ощущала себя ограниченным контингентом российских войск, введенных на территорию Афганистана «по просьбе его правительства».

«Прекрати свои дурацкие шуточки и идиотские аналогии! А то досравниваешься! У тебя есть задание? Вот и давай, Оленька, – дерзай!» – напутствовала я себя, вылезая из джипа вслед за генералом, когда мы пробрались по улице, кое-как расчищенной бульдозером, на другой конец города, в американскую зону.

Глава шестая

Командный пункт мистера У расположился не на машине, как у Васильева, а прямо на одной из расчищенных площадей Кайдабада, в палатке, где был развернут стандартный ротный командный модуль.

Американская служба спасения денег на собственные разработки подобных вещей не тратила, а пользовалась некоторыми техническими возможностями Пентагона. Чтобы не рисковать приданным спасателям дорогостоящим дивизионным командным пунктом, имеющим огромные возможности, подключенным ко всем ведомственным и общедоказательным каталогам и архивам, обладающим мгновенным быстродействием и потому – значительно облегчающим работу спасательного отряда, американцы не стали снимать его с самолета, а бросили на землю оперативный модуль, с помощью которого можно связаться с главным командным пунктом и воспользоваться его технической и аналитической мощью...

Модуль в палатке годился, собственно говоря, только для передачи и приема данных, и американцы им не особенно дорожили. Ну, пусть тряхнет его, так что он развалится на части, пусть хоть в трещину провалится. Им через полчаса сбросят на парашюте точно такой же, потому что самолет с главным КП постоянно кружит над районом бедствия, отслеживая оперативную обстановку...

Все это мне рассказал генерал Васильев, пока мы с ним шли от нашего джипа к палатке командира американских спасателей...

– Хелло, мистер У! – Я поразила широкой, чисто американской улыбке, неизвестно откуда возникшей на иссушенном нашими российскими проблемами и постоянно хмуром лице Васильева.

Вышедший из палатки нам навстречу сухой поджарый человек лет сорока пяти в форме американских спасателей ответил ему точно такой же приветливой, но совершенно безжизненной улыбкой.

– Хелло, миста Василефф, – сказал он, безбожно коверкая русские слова и разбавляя их английскими. – Мы говорить инглиш ор рашен?

– О нет, нет, только не по-русски, – ответил Васильев на вполне сносном английском. – Я не могу упустить возможность попрактиковаться в разговорном языке... Вы, мистер У, меня очень обяжете, если согласитесь беседовать со мной на вашем родном языке...

«Да ты, однако, дипломат, генерал, – подумала я о Васильеве. – Если бы он начал говорить по-русски, мы бы с тобой, пожалуй, ни одной фразы этого престарелого американского красавца до конца не разобрали...»

Кстати, я довольно неплохо говорю по-английски, правда с ужасным, надо полагать, акцентом. Поскольку ни в университете, где мне пришлось учиться в спецгруппе иностранных языков, ни на сборах в спецлагере, где каждый день начинался с того, что нам объявляли, на каком языке мы должны будем весь день общаться, произношение нам никто не ставил. Главным было умение объясниться, а не правильность речи, и не произношение. Не знаю, как японцы и арабы, в их реакции я не могу быть уверена, поскольку этими языками владею в слишком уж ограниченных пределах, но уж англичане-то с американцами всегда меня понимали, хоть порой морщились и иронически улыбались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.